

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 234–243.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 4 (85). P. 234–243.

Научная статья
УДК 128/129
doi: 10.54398/1818-510X.2025.85.4.022

СМЕРТЬ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ Г. ГЕССЕ И Л. Н. ТОЛСТОГО

Холоднова Ксения Николаевна[✉], Эрлих Майя Вячеславовна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

kholodnovaksenia@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>
erlih maja47@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-7734-6876>

Аннотация. Целью статьи становится необходимость осмыслить восприятие смерти в романе Г. Гессе «Игра в бисер» и произведениях Л. Н. Толстого, рассказе «Три смерти» и романе «Война и мир». Для анализа берутся образы Кудесника («Игра в бисер»), Матрешки и Федора («Три смерти»), а также Платона Каратаева («Война и мир»). Обосновывается необходимость проследить философско-антропологические перспективы танатологии выделенных авторов и делается ряд значимых выводов. Во-первых, на обоих писателей оказала значительное влияние философия Лао Цзы. Оба мыслителя в разные периоды жизни обращались к одному из главных источников философии даосизма «Дао дэ цзину». Во-вторых, восприятие смерти выбранных мыслителей во многом перекликается между собой, а именно: и Толстой, и Гессе воспринимают человека как часть чего-то большего, поэтому, умирая, он продолжает жить в других людях. Возможность этой преемственности во многом обусловлена необходимостью и возможностью для человека передавать мудрое и сокровенное тем, кто останется после него. Ввиду того, что самое важное человек передает другим, его смерть не становится катастрофой, она, скорее, обыденна и незначима в общемировом масштабе. Смерть человека – не трагедия, а всего лишь часть естественного хода вещей. Кроме того, отмечается важность единения человека и природы, а значит, и восприятие смерти как процесса, в первую очередь, природного. Основными методами, задействованными в данном исследовании, становятся текстологический, философско-антропологический и компаративистский анализы.

Ключевые слова: философская антропология, Гессе, танатология, смерть, Толстой, символизм, жертвенность, даосизм, философия литературы, Лао Цзы

Для цитирования: Холоднова К. Н., Эрлих М. В. Смерть как проблема философии Г. Гессе и Л.Н. Толстого // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 234–243. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.022>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

DEATH AS A PROBLEM OF THE PHILOSOPHY OF G. HESSE AND L.N. TOLSTOY

Ksenia N. Kholodnova[✉], Maya V. Erlikh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kholodnovaksenia@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>
erlih maja47@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-7734-6876>

Abstract. The purpose of the article is the need to comprehend the perception of death in G. Hesse's novel “The Game of Beads” and the works of L. N. Tolstoy, the story “Three Deaths” and the novel “War and Peace”. The images of the Magician (“The Game of Beads”), Matreshka and

Fedor ("Three Deaths"), as well as Platon Karataev ("War and Peace") are taken for analysis. The necessity to review the philosophical and anthropological perspectives of the thanatology of the selected authors is substantiated and a number of significant conclusions are drawn. Firstly, both writers were significantly influenced by the philosophy of Lao Tzu. At different periods of their lives, both thinkers turned to one of the main sources of Taoist philosophy, the Tao te Ching. Secondly, the perception of death of the chosen thinkers largely overlaps with each other, namely: both Tolstoy and Hesse perceive a person as part of something larger, therefore, dying, he continues to live in other people. The possibility of this succession is largely due to the need and opportunity for a person to pass on wisdom and innermost things to those who will remain after him. Due to the fact that a person passes on the most important things to others, his death does not become a catastrophe, it is rather commonplace and not significant on a global scale. Human death is not a tragedy, but just a part of the natural course of things. In addition, the importance of the unity of man and nature is noted, and hence the perception of death as a primarily natural process. The main methods used in this study are textual, philosophical-anthropological and comparative analyses.

Keywords: philosophical anthropology, Hesse, thanatology, death, Tolstoy, symbolism, sacrifice, Taoism, philosophy of literature, Lao Tzu

For citation: Kholodnova K. N., Erlikh M. V. Death as a problem of the philosophy of G. Hesse and L. N. Tolstoy. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 4 (85), pp. 234–243. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.022> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Актуальность выбранной для исследования темы не вызывает сомнения, и в научно-исследовательском поле с ней работали такие авторы, как А. И. Шифман (исследования посвящены вниманию Л. Н. Толстого к религиям и социально-религиозным движениям Востока), М. Д. Фомина (анализ восточных мотивов в живописи Г. Гессе), А. Л. Мышинский (обращение к мотивам раннего даосизма в мировоззрении Толстого), Р. Ф. Бекметов (исследования посвящены рецепции идей Толстого среди Иранских писателей и философов) и др. Наше обращение к работам Г. Гессе, Л. Н. Толстого и созданным в них образам предпринимается с целью дополнить уже существующие исследования и обогатить их.

Г. Гессе относится к смерти по-особенному, так как две пережитые им мировые войны и интерес к синтезу западной и восточной культур напрямую согласуются с вопросами о смысле смерти и ее значении в жизни. Композиция романа «Игра в бисер» состоит из основной истории, стихотворений и трех жизнеописаний, написанных главным героем и опубликованных одним из неназванных биографов уже после его смерти. Несмотря на то, что каждое жизнеописание оставляет читателю широкий простор для философских интерпретаций, изучая тему смерти в работе Гессе, мы предпочли уделить особое внимание именно «Кудеснику» как произведению, на наш взгляд, наиболее емко отражающему отношение к смерти самого автора.

Произведение Льва Николаевича Толстого «Три смерти» также является рефлексией о смерти в контексте историко-политических, философских и личных воззрений Л. Н. Толстого. На момент написания рассказа он уже был ветераном Крымской войны. В произведениях того периода чувствуется усталость писателя от светской жизни, тяга к внутренней правде, размышления о смысле жизни. Композиционно «Три смерти» повторяют сюжет «Кудесника», главной идеей которого является осмысление акта умирания как самим умирающим, так и его окружением. Именно смерть главных героев ставит финальную точку и в основном повествовании, и в жизнеописании, что верно для обоих произведений. Тема неизбежности смерти и ее глубокой связи с природой объединяет творчество двух этих писателей, несмотря на территориальные, идеологические и исторические различия, что позволяет

сравнить и проанализировать смерть как явление в «Кудеснике», «Трех смертях» и «Войне и мире», а также сделать вывод о том, что видение смерти у Толстого и Гессе совпадает по многим аспектам. Кроме того, кажется важным обратить внимание на влияние и на Толстого, и на Гессе китайского философа Лао Цзы. В случае с Толстым, на наш взгляд, наиболее явно это можно проследить, анализируя образ Платона Каратаева, героя романа «Война и мир».

Преемственность как возможность быть частью целого

Это первый, самый очевидный и важный в пространстве идей Гессе признак смерти. Передача знания, опыта, мировоззрения – главная жизненная задача его персонажей, исполнив которую, они с необходимостью умирают. Йозеф Кнехт находит для себя ученика, того, в ком он видел собственное продолжение, но с кем не был связан кровью, и сразу же после этого Кнехт погибает. В жизнеописании Кудесник обучал не родного мальчика, но вот его ученик – Кнехт, став новым Кудесником, назначил в помощники своего сына. Этот эпизод может быть интерпретирован следующим образом: в преемственности для Гессе играет большую роль именно духовное родство, нежели кровное, но и важность последнего исключать нельзя.

Смерть при взаимодействии старого и нового начал видится Гессе не как итог физического истощения и одряхления, а как само собой разумеющееся, даже добровольное отречение старого во имя новой жизни. Старость и смерть не отождествляются, они сопутствуют друг другу, но не являются взаимовызывающими причинами. Так, например, Йозеф умирает насильственной смертью, в отличие от предыдущего кудесника, который умер от старости. Именно возможность передачи знания, нахождение собственного «протеза» являются причиной перехода в иное состояние – состояния смерти как нечто абсолютно естественного.

В таком отношении к смерти у Гессе можно разглядеть влияние даосской концепции «Пути»:

«...Дао порождает Одно,
Одно порождает Два,
Два порождают Три,
Три порождают всю тьму вещей.
Вся тьма вещей несет в себе силу Инь,
содержит силу Ян,
наполняясь энергией Ци,
смешивается во взаимном движении» [3].

В «Трех смертях» Л. Н. Толстого мы наблюдаем разную реакцию персонажей на свою кончину: Матреша сопротивляется ей до последнего, не желает подчиняться природе и мириться с собственным умиранием. Именно поэтому в последние мгновения своей жизни она отказывается подпускать к себе детей, так как дети – символ продолжения жизни, ухода старого и перевоплощения, отмершего в новую форму. Отношение к смерти дяди Федора противопоставляется чувствам Матрешки. Федор осознает и принимает свою неизбежную кончину, отдавая свои сапоги молодому Сергею, он внутренне соглашается с концепцией преемственности, оставляя часть прошлого себя новому поколению в качестве наследства. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что оба эти примера также согласуются с концепцией «Пути» и восприятием Л. Н. Толстым смерти как неизбежного перехода старого в новое.

Для понимания влияния Лао Цзы на мировоззрение Толстого необходимо также обратиться к образу Платона Каратаева, одного из героев романа «Война и мир». Стоит заметить, что вопрос Платона Каратаева – один из самых полемичных среди исследователей творчества Толстого. Например, Сергей Мартынович Телегин назвал героя духовным, нравственным и мистическим центром романа [5, с. 81]. Литературный критик Николай Васильевич Шелгунов в статье под названием «Двоедушный эстетический консерватизм» жестко критикует образ Платона Каратаева как героя, в основе которого лежит «исключительно некультивированная, сырая сила человека, практически развившегося в первобытном быту» [12], а также удивляется масштабу

его влияния, которое он называет «одуряющим», на Пьера Безухова, человека «западного воспитания». Философ и литературный критик Николай Николаевич Страхов в статье, посвященной выходу 5 и 6 томов романа графа Л. Н. Толстого «Война и мир», также не обходит стороной образ Платона Каратаева. Однако здесь мы можем говорить совсем о противоположной оценке, нежели той, которую мы видели у критика Шелгунова. Страхов считал, что Каратаев несет очень важный смысл для внутренней связи целого рассказа, он едва ли не заслоняет собой всю посвященную изображениям быта и внутренней жизни простого народа литературу, написанную по этой теме до него. И то влияние на Пьера, которое оказалось не понятным Шелгуновым, Страхов объясняет тем, что в лице Каратаева Пьер увидел, как русский народ мыслит и чувствует во время самых крайних бедствий, какая великая и непоколебимая вера живет в сердце простого человека. Душевная красота Каратаева поразила Страхова, который назвал этот образ человека из народа самым непревзойденным и несравненным во всей русской литературе. Страхов подчеркивает, что попыток изобразить героя из простых людей было очень много, в том числе у самого Л. Н. Толстого, однако именно образ Каратаева оказался самым удачным и глубоким из всех. Смысл встречи Платона Каратаева и Пьера Безухова в том, что они, страдая вместе со всеми остальными людьми, остаются бездеятельны и получают возможность продумать и «выносить в душе впечатление великого общего бедствия» [4]. Для Пьера это закончилось глубоким нравственным обновлением, которое замечает Наташа Ростова, Каратаев же, которому, по мнению Страхова, нечему было учиться, смог передать свою мудрость другим и потом умер [4]. В этой мысли мы видим уже намеченные ранее параллели с идеями Гессе. Здесь мы перечислили лишь несколько отзывов критиков и мыслителей на образ Платона Каратаева. Интересно при этом то, как мало романного времени Толстой оставляет своему герою. Платон Каратаев появляется в романе в 4 томе в следующих главах: в 12 и 13 главах первой части, в 11 главе второй части и в главах 12–14 третьей части. В общей сложности они занимают не более 10 страниц, а самому герою иногда посвящается меньше половины главы при общем, достаточно большом объеме романа. Именно этот факт часто способствует обманчивому восприятию этого героя как незначимого и незначительного, особенно на фоне тех персонажей, судьбу которых мы прослеживаем на протяжении всего романа, например Андрея Болконского, Наташи Ростовой, Пьера Безухова и др.

«Я всеми силами стремился прочь от жизни. Мысль о самоубийстве пришла мне также естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был употребить против себя хитрости, чтобы не привести ее слишком поспешно в исполнение» [8, с. 19], – писал Толстой в «Исповеди» в 1870–1880 гг. Именно тогда он впервые откровенно и без утайки расскажет о том, как мечтал о самоубийстве в самый, казалось бы, благополучный период собственной жизни. Обеспеченный, успешный в своей литературной деятельности семьянин Толстой проживал один из самых сложных моментов из всех, что у него когда-либо были: «Вопрос мой – тот, который в пятьдесят лет привел меня к самоубийству, был самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца, – тот вопрос, без которого жизнь невозможна, как я и испытал это на деле. Вопрос состоит в том: “Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, – что выйдет из всей моей жизни?”. Иначе выраженный, вопрос будет такой: “Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?”. Еще иначе вопрос можно выразить так: “Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?”» [8, с. 24]. Одним из способов ответить на этот вопрос нам представляется образ Платона Каратаева, именно через него были намечены многие идеи, которые позднее найдут свое развитие в автобиографическом религиозно-философском произведении «В чем моя вера?», призванном подвести определенный итог идейной стороне учения Л. Н. Толстого.

Для начала стоит отметить серьезное влияние даосизма на мировоззрение Толстого. Даосизм прежде всего стоит определить как национальную религию Китая.

Даосизм – это единственная автохтонная китайская религия, которая является высшей формой выражения традиционной для страны религиозности, такой религиозности, которая в дорефлексивной и неинституционализированной форме представлена в народных китайских верованиях и в старом государственном культе Китая императорской эпохи. Даосизм выступал той высшей формой религиозности, в которой господствовавшее в этой стране язычество обрело форму и способ самосознания, самоосмысления, рефлексии и самовыражения в тексте, в том числе и философском. Даосизм – это мыслящее сердце китайской религиозности, ее душа и самая высшая форма. Основной костяк текстов, на которых строится даосизм, – это «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы», даосские главы «Гуань-цзы», мавандуйские тексты, включая «Четыре канона Желтого императора» («Хуан-ди сы цзин»), «Весны и Осени господина Люя» («Люй-ши чунь-цзо») и «Хуайнаньский мудрец» («Хуайнань-цзы»). Если в го-дяньской версии «Дао дэ цзина», отдельных главах «Гуань-цзы» и «Чжуан-цзы» преобладает идея медитации и мистического проникновения в природу всего сущего, то в корпусе мавандуйских текстов основной становится идея продления жизни, пестования жизненной энергии и достижения бессмертия. Кроме того, стоит также отметить, что «первоначальный даосский дискурс был ориентирован на психопрактику» [10, с. 160]. Это, на наш взгляд, оказало довольно существенное влияние на философские взгляды Толстого. Выделим те положения даосизма, которые, на наш взгляд, оказали существенное влияние на формирование идей, вложенных Л. Н. Толстым в Платона Каратаева, позднее ставших значимыми для содержания нравственно-религиозного учения под названием «толстовство»:

1. Во 2 главе «Дао дэ цзина» мир даоса формулируется как отвергающий возможность возникновения любой иерархии, а совершенный мудрец становится подобным солнцу, которое светит всем одинаково: «Не гуманны небо и земля и сущее для них – соломенное чучело собаки, не гуманен и мудрец совершенный и для него все люди – соломенное чучело собаки» [3].

2. В 18 главе «Дао дэ цзина» осуждается искусственная интеллектуальная изощренность, которая оказывается слишком далека от подлинной мудрости, проявляющейся в следовании дао-пути: «Великий Дао путь понес ущерб, и появились милосердие и справедливость, а мудрость видна лишь тогда, когда есть великая ложь. Когда страна погружена в междоусобицы и смуты, то появляются и преданные подданные. Отсеките совершенномуудрие! Отбросьте мудрость!» [3].

3. Во 2 главе «Дао дэ цзина» написано: «Когда в Поднебесной все узнают, что прекрасно прекрасное, – это уже безобразно. Когда в Поднебесной все узнают, что добро есть добро – это уже не добро. Поэтому отсутствие и наличие друг друга порождают» [3]. Здесь важной становится идея трансцендентности дао по отношению к добру и злу. Оба понятия относительны и релятивны, они помогают определять друг друга, их существование не имеет смысла друг без друга: нет добра без соотносительности со злом и наоборот.

4. Ключевым понятием даосизма выступает принцип недеяния (у вэй), который вводится уже во второй главе «Дао дэ цзина»: «Поэтому совершенный мудрец пребывает в делах недеяния, не прибегая к словам, он осуществляет учение. Все сущее творит, не полагая начала творению и действует, не замышляя ничего преднамеренно. И дао-путь – рождает, но не обладает, действует, но не предумышляет, благими качествами и свойствами обладает, к ним не привязываясь никогда. Поскольку в них он к ним не привязан, то их он и не теряет» [3]. Таким образом, мы понимаем, что недеяние или невмешательство – это особенное состояние, благодаря которому человек входит в поток существования, объединяет свое Я с энергетическими волнами ци, пронизывающими вселенную и достигает недвойственности с интересным для него объектом. Оно предполагает спонтанность поведения, беспредпосылочность или безопорность (у дай). В результате этого субъект действия словно растворяется в спонтанности своего поведения, которое согласуется с природой сущего.

Итак, теперь проанализируем образ Платона Каратаева, чтобы найти, как эти идеи проявились в нем. Каратаев – солдат Апшеронского полка, которому было за 50 лет. Толстой довольно подробно описывает внешность героя: зубы его были ярко-белые и крепкие, ни одного седого волоса не было ни в бороде его, ни в волосах, и все тело имело вид гибкости, твердости и сносливости. Когда он впервые заговаривает с Пьером с выражением ласки и простоты в голосе, у того даже слезы проступают в ответ. Сразу прорезается своеобразная речевая манера героя: он говорит много пословиц, чем Толстой хочет подчеркнуть его «крестьянский и народный склад» [6, с. 447], а также отсутствие у выводов рациональной природы, что соответствует даосскому принципу отбрасывания мудрости. Главным при этом нам кажется то, что Каратаев употребляет слова «христианский» и «крестьянский» как синонимы. В этом проскальзывает идея Толстого о том, что народ обладает истинной верой, которой не обладают ни богословы, ни образованнейшие люди его времени, ни богатые и успешные, для которых религия становится необходимым светским ритуалом. Именно это он делает одним из главных открытий, которое стало доступно Пьеру Безухову благодаря Каратаеву и плену: «Пьер узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья, что счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка» [6, с. 550].

Платон Каратаев рассказывает Пьеру историю о том, как он поехал в чужую рощу за лесом, был пойман, осужден и отдан в солдаты, а заканчивает он свой рассказ фразой: «Думали горе, а радость!» [6, с. 445]. Здесь мы видим мельком реализацию сразу двух даосских идей: первая – горе и радость возникают только как антитезы друг другу, вторая – реализация принципа недеяния, непротивления течению жизни. Последний будет также выглядывать как главная истина в рассказе Каратаева о старом купце, который поехал с другом к Макарью, заночевал с ним, на утро проснулся и увидел, что друг его убит, а окровавленный нож лежит у него под подушкой. Старый купец был осужден и отправлен на каторгу. Он судьбе «как следует покоряется, худого не делает» [6, с. 554]. Проходит около десяти лет и в разговоре с другими осужденными старичок расплакался, что жаль ему старуху-жену и деток, а за себя он не злится, «за свои да за людские грехи страдает» [6, с. 554]. И случается среди тех, кто его слушает, преступник, который его друга убил, а его подставил, ему становится стыдно, и он падает на колени и признается, что он это сделал, прося у купца прощение. Старичок говорит в ответ: «Бог, мол тебя простит, а мы все, говорит, Богу грешны, я за свои грехи страдаю. Сам заплакал горячими слезами» [6, с. 555]. Однако пока доставляли в столицу бумаги о невинности старика, он умер. Кроме даосского принципа недеяния нам кажется важным здесь подчеркнуть и то, что суд, возникший как результат устройства иерархичной системы в обществе, где есть те, кто может судить, и те, кто может быть осужден, также вступает в противоречие с принципом даосизма о равенстве всех людей. Кроме того, очень важным кажется хотя бы вскользь проговорить, что Толстой выступал против такого явления, как «суд человеческий». И источником этого убеждения уже становится христианство. Платон Каратаев однажды тоже скажет: «Где суд, там и неправда» [6, с. 444]. Эта идея получит развитие как одна из самых значимых в толстовстве. Принцип непротивления злу, который Толстой считал ключом всего, он нашел в V главе Матфея, стихе тридцать девятом: «Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю, не противьтесь злу» (1Мф.5:38–39), и «кто ударит тебя в правую щеку... подставь левую» (1Мф.5:39). Исходя из этого принципа, он осуждал человеческий суд, который своей главной целью преследует ответить злом на зло, а это, в свою очередь, согласно Толстому, просто множит зло, а не искореняет его: «Христос говорит не противься злему. Цель судов – противиться злему. Христос предписывает делать добро за зло. Суды воздают злом за зло. Христос говорит не разбирать добрый и злых. Суды только то и делают, что этот разбор. Христос говорит прощать всем, прощать не раз, не семь, а без конца. Любить врагов, делать добро ненавидящим.

Суды не прощают, а наказывают, делают не добро, а зло тем, которых они называют врагами общества» [7, с. 176].

Итак, образ Платона Каратаева помог выразить Толстому важную мысль о том, что человек имеет значение только как часть одного большого целого. Когда он умирает, его жизнь продолжается в другом. Так умер Платон Каратаев, передав свою философию и мудрость Пьеру, преобразив его. Таким образом, мы видим идейную переключку между идеями Толстого и Гессе.

Возвращение к истокам (природе)

Очень ясно в «Кудеснике» выражена мысль о необходимости единения с природой для достижения состояния внутренней гармонии и высшей степени осознанности, которые, как уже обозначено ранее, «дозволяют» смерть.

Описывая быт общины в «Кудеснике», Гессе рукой Кнехта пишет следующее: «Они не отделяли себя от природы и не пытались проникнуть в её тайны, никогда не противопоставляя себя ей и с ней не враждуя, они всегда ощущали себя частью ее и были благоговейно преданы ей» [2, с. 393]. Желание людей обуздать природу не вытесняется Гессе, он не отрицает его, а лишь показывает иной подход к его осуществлению. Создание самой должности кудесника, человека с глубочайшим пониманием метафизики природы, постоянное переживание им трансцендентного опыта, является олицетворением нового духовного человека с притупленным страхом смерти благодаря тонкому чувствованию природного начала. Через Луну Кнехт видит и наблюдает природу, он не влияет на нее, но ему открывается Знание, и это порождает в нем страх смерти, Йозеф относится к ней как «посвященный». И наоборот, страх перед гибелью усиливается у тех жителей общины, которые реже соприкасаются с природой, не наблюдают ее, видят в ней исключительно «ресурс». Здесь мы можем упомянуть схожие концепции у М. Хайдеггера, который также утверждал, что подобное отношение к природе привело к забвению бытия и потерянности человека, его отчужденности, а следовательно, и страху смерти: «Природа предстает как рассчитываемая система сил и воздействий, позволит делать правильные утверждения, но как раз из-за этих успехов упрочится опасность того, что посреди правильного ускользнет истинное» [11]. Похожую проблему поднимал и Юнг в своем сборнике «Проблема души нашего времени» (1933 г.), где связывал возникновение психических проблем с ускоряющимся прогрессом и оторванностью от Матери-природы. Следует отметить, что в «Кудеснике» Гессе выразил одну достаточно популярную и назревшую в XX в. идею о необходимости единения человека и природы во избежание духовного кризиса.

Важно отметить, что ни один из персонажей «Кудесника» и «Игры в бисер» не проявил страха перед кончиной. Смерть «оригинального» Кнехта наступает в момент его купания, т. е. единения с природой. Йозеф уходит под воду, буквально соединяясь с речным дном. Смерть в воде является довольно символической, так как вода в ее философском значении во многих мифологиях олицетворяет собой первопричину всего сущего: Божество Абзу как явление пресноводного хаоса в Шумерской мифологии, Нун как первозданный океан в Древнем Египте, Нараяна, покоящийся на водах до начала сотворения в Ведийских текстах, Дух Божий, что носился над водами в начале сотворения в Ветхом Завете, и множество других примеров. Также и Кудесник Кнехт, пусть и погибает в процессе ритуала жертвоприношения, но погибает для того, чтобы своей жертвой вызвать дождь, а значит, его смерть связана с водным началом. Этот факт указывает на определенное соотношение философии смерти у Гессе и первозданного водного начала, а также иллюстрирует циклический характер человеческой жизни, которая всегда тяготеет к истокам.

Смерть последнего персонажа в произведении Л. Н. Толстого – дерева – является прямым подтверждением неразрывной связи природного естества и смерти. Сергей (преемник почившего дяди) срубает дерево для того, чтобы сделать крест для Федора, таким образом вернув его к истокам, соединив его тело с телом природы. Природа радуется смерти дерева, так как это событие запускает новый виток

истории, продолжает цикл жизни и смерти: «Птицы гомозились в чаще и, как потерянные, щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались в вершинах, и ветви живых деревьев медленно, величаво зашевелились над мертвым, поникшим деревом» [9, с. 267]. Более того, в «Трех смертях» человеческая жизнь тесно переплетается с флорой и фауной: подробное описание осени во время острых приступов болезни Матрешки как способ отразить увядание человеческого тела через состояние природы; наступление весны во время смерти героини как символ перерождения, перехода в иное состояние; малиновка на ветвях срубленного дерева как образ преемника и продолжения жизни, несмотря на чью-то гибель. Все это – естественные природные процессы, которые входят в особую взаимосвязь с жизнью и смертью людей, возвращая их к истокам, стирая социальные и физические различия, объединяя их.

Важность близости к природе как нечто необходимого для поддержания духовности и истинного смысла жизни Л. Н. Толстой показывает с помощью отличных реакций на смерть у людей разных сословий: те, кто приближен к природному миру, – крестьяне, рабочие люди, проще переживают смерть и легче находят преемственность в друг друге и природе, они более гармоничны, в отличие от Матрешки и ее семьи, которая из-за своего высокого статуса оторвана от реальности, страшится смерти, тяготеет к материальным ценностям.

Смерть после принятия решения как самоценное явление

Смерть у Гессе не «награда» и не «подведение итогов», как уже было установлено, – это закономерность, такая же, как смена времен года или времени суток. Смерть наступает обычно как следствие принятого важнейшего решения героем. Кнехт в оригинальной истории отказывается от жизни в Касталии и определяет для себя Путь: обучает ученика и путешествует с ним по миру. Смерть Кнехта – это не «воздаяние», а практически «природный процесс», наступающий после избрания своего пути. Кудесник Кнехт решает принести себя в жертву и ожидаемо погибает «технически» от рук соплеменника, но в действительности – от своего же выбора. Результат не имеет значения: мы не знаем, пойдет ли дождь после жертвоприношения Кудесника и вырастет ли из Тито благородный человек, – все эти события «оценили» бы смерть, дали бы повод рассуждать о том, была ли она напрасной или нет. Но исходя из философии Гессе, это не должно иметь значения: «Вот почему премудрый человек действует и не держится за сделанное...» [3]. Гессе, являясь почитателем восточной философии, в своих романах наделяет высшей ценностью именно процесс, верность своему внутреннему Я, а не результат этих действий. Смерть у Гессе – это высшая точка самоосознания, и внешняя оценка мешает осознанию смерти как ценности в себе.

Точно такое же отношение к смерти под влиянием восточных концепций переживает и отражает в своем произведении Л. Н. Толстой. Каждый из персонажей в «Трех смертях» принимает для себя какое-то важное решение перед кончиной, тем самым подготавливая себя к переходу в новое состояние. Матрешка раскаивается перед Богом, и несмотря на свой протест перед смертью, соглашается позвать священника: «На всех нас много грехов, я знаю это; но надеюсь на милость бога; всем простится, должно быть, всем простится. Я стараюсь понять себя. И на мне было много грехов, мой друг. Но зато сколько я выстрадала. Я старалась сносить с терпением свои страдания... “Боже! прости меня грешную” – прошептала она» [9, с. 263]. Это решение обратиться к религиозному покаянию в последние минуты жизни стало для Матрешки своеобразным «дозволением» на смерть.

Дядя Федор тоже принял решение – отдать сапоги Сергею, хотя изначально он не хотел расставаться с ними. Этот отказ от собственной вещи, от собственных «ног» является актом отречения от эгоизма и иллюзий по поводу своего состояния. Решение передать свои единственные сапоги другому человеку проводит черту между жизнью и смертью Федора, и на следующий день он закономерно умирает.

У третьего персонажа – дерева – нет внутреннего конфликта, оно является частью природы и оттого уже подчинено потоку жизни и смерти без внутренних противоречий. Смерть была дозволена дереву сразу же по факту его существования.

Но результат смерти остается неясен: воспользуется ли деревом Сергей для изготовления креста или нет, простит ли Бог Матрешу за её прегрешения, как долго прослужат Сергею сапоги Федора – это уже не имеет значения.

Таким образом, результату после акта воли, проявленного персонажами Л. Н. Толстого, не придается особого значения в повествовании, это подтверждает тезис о смерти как самоценном явлении.

Выводы

Итак, умирание в философии Г. Гессе и Л. Н. Толстого это:

1) в первую очередь акт преемственности, выражающийся чаще всего через ролевую модель «учитель – ученик», «родитель – ребенок» (подопечный), но способный находить отражение и на более глубоком, метафизическом, натуралистическом и духовном уровне (Космос – Я; Природа – человек, Знание – душа);

2) возвращение к истокам, «дикому» природному началу, напоминание о неизбежности слияния человеческого и природного, сроднение дифференцированных начал в Едином через акт смерти;

3) ценность сама по себе, в отрыве от достижений конкретной личности и того, какое значение она несет для мира в целом. Смерть имеет одинокий характер, она индивидуализирована и незначима в масштабном контексте;

4) на восприятие обоими авторами смерти существенное влияние оказала философия Лао Цзы.

Таким образом, наше исследование подтверждает мысль о том, что смерть у обоих писателей многолика. Гессе и Толстой воспринимают смерть не только как физический процесс, но и как духовный. Именно этот факт оставляет широкий простор для интерпретаций темы смерти, которые мы и попытались обозначить в этой работе.

Список источников

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – Москва : Российское библейское общество, 2020. – 1337 с.
2. Гессе, Г. *Игра в бисер* / Г. Гессе ; [пер. с нем. С. Апта]. – Москва : АСТ, 2025 – 480 с.
3. Лао Цзы. *Дао дэ цзин* / Цзы Лао. – URL: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/lao-czy-dao-de-czin#toc1> (дата обращения: 05.07.2025).
4. Страхов, Н. Н. *Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки* / Н. Н. Страхов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2010. – 576 с.
5. Телегин, С. М. Тайна русского андрогина в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / С. М. Телегин // *Болгарская русистика*. – 2009. – № 3. – С. 81–100.
6. Толстой, Л. Н. *Война и мир* / Л. Н. Толстой. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – Т. 3–4 – 736 с.
7. Толстой, Л. Н. *В чем моя вера?* / (Не)запрещенное цензурой. О Боге, религии, церкви / Л. Н. Толстой. – Москва : Эксмо, 2019. – 416 с.
8. Толстой, Л. Н. *Исповедь* / Исповедь. О жизни. Что такое искусство? / Л. Н. Толстой. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – С. 5–70.
9. Толстой, Л. Н. *Сочинения графа Л. Н. Толстого* : в 11 т. / Л. Н. Толстой. – Москва : Тип. Т. Рис, 1880. – Т. 2: Три смерти. – С. 249–267.
10. Торчинов, Е. А. *Пути Востока и Запада: Познание запредельного* / Е. А. Торчинов. – Санкт-Петербург; Москва : RUGRAM_Пальмира, 2021. – 463 с.
11. Хайдеггер, М. *Вопрос о технике* / М. Хайдеггер. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5565> (дата обращения: 05.07.2025).
12. Шелгунов, Н. В. *Двоедушие эстетического консерватизма* / Н. В. Шелгунов // *Искусство и жизнь. Критическая сочинения Николая Соловьева*. – Москва, 1869. – URL: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1870_filisofia_zastoya.shtml (дата обращения: 05.07.2025).

References

1. *Bibliya. Knigi Svyashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta* [The Bible. The Holy Scriptures and The New Testament]. Moscow: Russian Bible Society; 2020, 1337 p.
2. Gesse, G. *Igra v biser* [The Bead Game]. Moscow: AST; 2025, 480 p.
3. Lao Tszy. *Dao de tszin* [The Tao teh]. Available at: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/lao-czy-dao-de-czin#toc1> (accessed: 05.07.2025).

4. Strahov, N. N. *Borba s Zapadom v nashey literature: istoricheskie i kriticheskie ocherki* [The Struggle against the West in Our Literature: Historical and Critical Essays]. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2010, 576 p.
5. Telegin, S. M. Tayna russkogo androgina v romane L. N. Tolstogo "Voyna i mir" [The Mystery of the Russian Androgynous in Leo Tolstoy's novel "War and Peace"]. *Bolgarskaya rusistika* [Bulgarian Russian studies]. 2009, no. 3, pp. 81–100.
6. Tolstoy, L. N. *Voyna i mir* [War and Peace]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2023, vol. 3–4, 736 p.
7. Tolstoy, L. N. *V chem moya vera? / (Ne)zapreshhennoe tsenzuroy. O Boge, religii, tserkvi* [What is my faith? / (Not)prohibited by censorship. About God, religion, and the Church]. Moscow: Eksmo; 2019, 416 p.
8. Tolstoy, L. N. *Ispoved / Isповед. O zhizni. Chto takoe iskusstvo?* [Confession / Confession. About life. What art is?]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2022, pp. 5–70.
9. Tolstoy, L. N. *Sochineniya grafa L. N. Tolstogo: v odinnadtsati tomakh* [The Writings of Count Lev Tolstoy: in 11 tomakh]. Moscow: Tipografya T. Ris; 1880, vol. 2, p. 249–267.
10. Torchinov, E. A. *Puti Vostoka i Zapada: Poznanie zapredelnogo* [The Ways of East and West: The Knowledge of the Beyond]. Saint Petersburg; Moscow: RUGRAM_Palmira; 2021, 463 p.
11. Khaydegger, M. *Vopros o tekhnike* [The question of technology]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/5565> (accessed: 05.07.2025).
12. Shelgunov, N. V. *Dvoedushie esteticheskogo konservatizma* [The double-mindedness of aesthetic conservatism]. *Iskusstvo i zhizn. Kriticheskaya sochineniya Nikolaya Soloveva* [Art and life. Critical writings of Nikolai Solovov]. Moscow: 1869. Available at: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1870_filisofia_zastoya.shtml (accessed: 05.07.2025).

Информация об авторах

Холоднова К. Н. – кандидат философских наук;
Эрлих М. В. – студент.

Information about the authors

Kholodnova K. N. – Candidate of Philosophical Sciences;
Erlich M. V. – student.

Вклад авторов

Холоднова К. Н. – научное руководство, разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, написание части текста, посвященной Л. Н. Толстому, доработка текста, итоговые выводы.

Эрлих М. В. – идея исследования, написание части текста, посвященной Г. Гессе, доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Kholodnova K. N. – scientific guidance, development of the research concept, substantiation of the purpose of the article, writing a part of the text dedicated to Lev Tolstoy, revision of the text, final conclusions;

Erlich M. V. – the idea of the study, writing a part of the text dedicated to G. Hesse, revision of the text; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025; одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.